

А. Бондаренко

Блокадный дневник (Таня Савичева)

Таня Савичева не была разведчицей, санитаркой или партизанкой. Она не взрывала железнодорожных мостов, не стреляла в гитлеровцев из снайперской винтовки, и это не она, избитая до полусмерти, упорно молчала на допросах, предпочтя смерть предательству... Она просто жила – жила наперекор всем обстоятельствам: приказам германского фюрера, стараниям гитлеровских военачальников, лётчиков, артиллеристов и всех солдат вермахта – и сумела сохранить и донести до миллионов людей свою память о самых страшных днях жизни. Жизни собственной и жизни великого прекрасного города – Ленинграда.

Когда 8 сентября 1941 года Ленинград был окружён гитлеровскими войсками, Тане было одиннадцать лет, и она закончила 3-й класс. Савичевы жили на Васильевском острове, в доме №13/6 по 2-й линии, как именуются улицы, пересекающие остров от Невы до речки Смоленки.

900 дней и ночей продолжалась беспримерная героическая оборона блокадного города, который ежедневно по несколько раз обстреливала гитлеровская артиллерия и бомбили немецкие самолёты. В городе не было тепла и электричества, не работали водопровод и канализация. Но самое страшное, что в Ленинграде остро не хватало продовольствия. В самые трудные дни блокады, зимой 1941 – 1942 годов, рабочие получали по 250 граммов хлеба в день, а все остальные, в том числе и дети, – по 125. Каждый день от голода, холода и болезней в осаждённом городе умирали сотни человек, многие десятки погибали при бомбардировках и обстрелах.

Семья Савичевых была большая и дружная. Танин папа Николай Родионович умер ещё в 1936 году, а в квартире на Васильевском жили её мама Мария Игнатьевна и бабушка Евдокия Григорьевна, которые вели домашнее хозяйство, её старшие сестры Нина и Женя, которые работали на Невском машиностроительном заводе: первая – в конструкторском бюро, вторая – в архиве, братья Леонид, его в семье называли Лёка, работавший строгальщиком на Адмиралтейском судостроительном заводе, и Михаил, слесарь по профессии, а также братья Таниного отца дядя Вася – директор книжного магазина «Букинист», и дядя Лёша – снабженец на заводе. Что называется, это была хорошая трудовая семья, каких в нашей стране тогда было большинство.

Так случилось, что за день до начала войны, 21 июня, Михаил уехал из Ленинграда на отдых. Вскоре он оказался на оккупированной немцами территории и воевал в партизанском отряде. Леонид хотел записаться добровольцем в армию, но его не взяли из-за очень плохого зрения, а его дядьев, Василия и Алексея Родионовичей, – по возрасту, ведь они воевали ещё в Первую мировую войну. Нина, как и многие работники Невского завода, была переведена на «казарменное положение», жила там, где работала, а потом её неожиданно вывезли из блокадного города на «большую землю» – на территорию, не занятую гитлеровцами. Но об этом в семье не знали, а потому и Нину, и Мишу родственники считали погибшими.

Стоит сказать, что про блокаду мы знаем довольно мало. Большинству из нас сегодня представляется, что люди в осаждённом Ленинграде только страдали и умирали. Нет, ленинградцы не просто выживали, они защищали свой город от наземного и воздушного противника, а город ещё и продолжал работать. На его заводах и в мастерских ремонтировалась боевая техника, делалось вооружение; книжные издательства выпускали брошюры и книги – в том числе исторические, о подвигах русского народа; на хлебозаводах пекли тот самый блокадный хлеб «с огнём и кровью пополам», как образно сказал поэт; а на сцены театров выходили артисты и играли спектакли для горожан, бойцов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота... В осаждённом Ленинграде даже учились: 3 ноября 1941 года в школах начался новый учебный год, и Таня пошла в четвёртый класс. Занятия в неотапливаемых школах продолжались до самых холодов страшной и небывало морозной зимы. Вот только все в городе делалось не то что на пределе, скорее даже за пределами человеческих возможностей.

Первой потерей в семье Савичевых стала сестра Женя, которая хотя и была намного старше Тани, но ей исполнилось только 32 года. Для женщины это возраст самого расцвета...

Жизнь в замёрзшем, заснеженном блокадном городе казалась страшным сном, от которого хотелось скорее очнуться. Наверное, Таня поняла, что дата смерти Жени может быть забыта в длинной череде столь похожих друг на друга дней, и решила её записать. Она взяла записную книжку Нины, раскрыла её в той части, где был алфавит, на букве «Ж», и написала синим карандашом, каким дети обычно рисуют небо и море:

«Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г».

С этой скорбной записи и начался подвиг Тани Савичевой. Она сделала в своем блокноте всего семь записей — на девяти страничках, и эти записи оказались главным делом всей её жизни и обессмертили имя обыкновенной ленинградской девочки, прожившей лишь четырнадцать лет.

Чуть меньше чем через месяц она сделала вторую запись:

«Бабушка умерла 25 янв 3 ч. дня 1942 г».

За два дня до этого, 23 января, Тане исполнилось двенадцать лет.

Не прошло и месяца, как от дистрофии умер в заводском стационаре брат Лёка, и там, где в блокноте была буква «Л», Таня записала:

«Лёка умер 17 марта в 5 часутр 1942».

Наверное, от холода не слушались пальцы, и два слова слились в одно...

Ленинградцы очень ждали весну, считая, что тогда будет легче. И действительно, стало теплее, но зато обострились накопившиеся за зиму болезни; весна, как известно, время авитаминоза и прочих гадостей – пока не появятся первые овощи и ягоды. В блокированном городе в грядки превращали клумбы, газоны, территории парков.

Таня, сколько могла, пыталась выхаживать своих родственников. Однако это было выше её сил, и в течение месяца в блокнотике появились три записи:

«Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч дня 1942».

«Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г».

В двух последних записях отсутствует страшное слово «умер». Но оно дважды звучит в последней, самой трагической записи на трёх последних страничках:

«Савичевы умерли Умерли все Осталась одна Таня».

Вот так. Была семья — и нет... А сколько таких семей оставалось в заблокированном гитлеровцами Ленинграде!

Однако казалось, что счастье все-таки улыбнулось Тане Савичевой — сначала её приняли знакомые, хорошие люди, потом девочку пристроили в 48-й детский дом, который вскоре был эвакуирован из Ленинграда. Так, в августе 1942 года Таня вместе с другими ребятами приехала в посёлок Шатки Горьковской — ныне Нижегородской — области.

Вот только была она так истощена, столько различных болезней оказалось у неё после страшного блокадного года, что врачи, очень старавшиеся помочь девочке, были бессильны. Таня умерла 1 июля 1944 года. Ей было тогда всего четырнадцать лет.

Вернувшись из эвакуации, сестра Нина нашла блокнотик с Таниными записями. И так потом получилось, что в 1946 году эти девять листочков были представлены в числе многих обвинительных документов на Нюрнбергском процессе, где за преступления против человечества судили главных нацистских преступников — руководителей фашистской Германии, гитлеровского рейха. Откреститься от этого документа, объявить его подложным, было нельзя — и он никого не мог оставить равнодушным...

Таня Савичева прожила всего 14 лет. Но дневник, написанный ею в промёрзшей ленинградской квартире, между жизнью и смертью — смерти наперекор, стал её подвигом. Потому что когда человек даже в безвыходной ситуации действует, делает хоть что-то разумное и полезное, он не сдаётся, не покоряется обстоятельствам, он остаётся Человеком. Так и получилась, что вся гитлеровская армия, окружившая Ленинград, все немецкие лётчики, его бомбившие, и все немецкие артиллеристы, его обстреливавшие, не смогли победить одну маленькую девочку по имени Таня.

Публикуется по: Бондаренко А. Таня Савичева //Бондаренко А. Юные герои Отечества. — М., 2013. — С. 186 — 191.